

У М И С Е Р Д Ц Е

Валентин Никулин, актер московского театра «Современник», давно снимается в кино. Слава его пошла со Смердякова из «Братьев Карамазовых».

— Валентин Юрьевич, когда Вы впервые ощутили себя профессионалом!

— До сих пор не ощущаю. Что-то я должен уметь. Просто обязан. А раньше... Раньше, конечно, было. Ну, скажем, в девятом классе, в кружке, с двумя Игорями: Волошиным, он сейчас юрист, и Квашой, ныне моим коллегой, — мы были большими «профессионалами». Все знали.

Или говорят: «Смотрите, сколько кругом режиссеров! Все пошли в режиссеры. А Вы почему не ставите?» — Нет, этого сейчас не могу.

— И все-таки представим, что Вы режиссер. Какие роли Вы поручите актеру Никулину!

— Мальволио в «Двенадцатой ночи». И еще я обязан уметь играть Сирано. Нет, не такого, какого в отличном новом переводе сыграл мой друг Кваша. Я имею в виду Сирано в ста-

ром переводе Татьяны Львовны Щепкиной-Куперник. Ну что играть только сильного, героического Сирано? Ведь все обстоятельства уже есть — и война, и разлука, и знаменитый нос! А Сирано еще и слаб. Он же коленопреклоненно говорит с Роксаной...

И еще я должен уметь сыграть Ричарда III... Здесь

страдание. Что, злодей? А злодей, значит, не мучаются! А мы с вами, значит, никогда ничего плохого сделать не способны? Все плохое делают «нелюди»? Нет. Это опасно — так думать. Он же горбун. Урод. Ему же больно это. А когда человеку больно, он обязан думать и о том, как бы не ослепнуть от боли, не озлобиться, верно?

И многое еще я должен уметь. Должен...

— А можно в драматическом произведении обращаться к зрителю со сцены «не в образе», просто от себя!

— Знаете, это почти невыносимо. Какие-то такие моменты, видимо, есть в монологе Прохожего, заворачивающего «Валентина и Валентину» Рощина. Но эти три страницы машинописного текста лежат, на верное, за пределами драматургии и уж во всяком случае почти за концом пьесы, не правда ли? Второй раз я бы на это не пошел...

Даже в уникальном собрании личностей, неповторимостей, которыми богат «Современник», Никулин есть нечто особое. Ну, вот хоть эта напряженность. Градус наэлектризованности зала мгновенно повышается, стоит ему показаться в кулисах.

Он «чужда», «странность», «нечто, ни на что не похожее»? Несомнен-

но. Но в то же время зритель — каждый — с ходу начинает «болеть» за него, отождествлять себя именно с ним. Может быть, оттого, что и в зале нет ни одного «человека вообще», а каждый — чуток по-своему, о чем знает только он сам, да вот, видимо, и этот Никулин?..

Непривычность его обаяния заставила критика А. Свободина написать с признанием никулинского феномена — «вообще не актер», «что-то другое». А завсегдатаи театра говорят: «Актер до того, что и вне сцены-то другим быть не может!». И верно, нормальная, бытовая секунда, кажется, тяжела для него. Жест его всегда остр, слово бьется — хоть бы и за чаем. Кто же прав?

И еще непремный предмет изображения этого актера — интеллект. Персонажи всякие, а вот главное у них одно — умны. Может, это и есть сквозная тема?

«Должен, обязан уметь», — повторяет Никулин. Необычное «должен» вместо привычного «хочу». То, что актер говорит «не свои слова» — вовсе не единственная трудность его профессии. Он еще и не может один. Он в театре. В коллективе. Под командой режиссера. И не всегда сила актера — сила спектакля.

Последние два-три сезона Никулин играет не

так много нового. Упрямать режиссеров можно, но надо их в чем-то и понять. «В фон» его не впишешь, случайный эпизод с его участием способен «перекосять» постановку. Но давать ему простаивать — тоже бесхозяйственность.

Конечно, не тот Валентин Никулин человек, чтобы благодушно ждать. Сегодня едва ли меньше, чем трагик, известен (такова сила радио и телевидения) лирический певец Никулин. Это новая неожиданность. Певец оказался мягким, сдержанным. И как полюбили зрители телефильма «День за днем!» песни в его исполнении!

А еще есть и чтец, с опятами-таки неожиданным репертуаром... Есть кино.

— Детство каждого из нас связано со сказкой. И мое тоже, естественно, — говорит Валентин Юрьевич. — Любимым моим сказочником, казавшимся и добрым волшебником, и близким другом, был Ханс Христиан Андерсен. Не знал я, конечно, наслаждаясь его сказками, что мне через несколько лет предстоит иная встреча с ним. В рождающемся сейчас фильме Параджанова «Чудо в Оденсе» я исполняю роль «самого» Андерсена.

Г. КОТОВА,

наш внештат. корр.
На снимке: В. Никулин.